

Елена Вихарева

Звезда в стакане

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Вихарева
Звезда в стакане

«Автор»

2026

Вихарева Е.

Звезда в стакане / Е. Вихарева — «Автор», 2026

Начинаю все чаще вспоминать события своей жизни и людей, которых, возможно, уже нет в живых. Нет прежней меня, от коллектива нашей кафедры остались пара-тройка действующих сотрудников, нет того города, в котором обитали реальные персонажи. Пустыня прошлого. Где мой внутренний верблюд готов жевать колючки воспоминаний перед миражом юности.

© Вихарева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Вихарева

Звезда в стакане

Глава 1

Начинаю все чаще вспоминать события своей жизни и людей, которых, возможно, уже нет в живых. Нет прежней меня, от коллектива нашей кафедры остались пара-тройка действующих сотрудников, нет того города, в котором обитали реальные персонажи. Пустыня прошлого. Где мой внутренний верблюд готов жевать колючки воспоминаний перед миражом юности.

Женька хитрый. Он знает обо мне больше, чем остальные коллеги, но не болтает попусту. Наш закрытый преподавательский мирок отличается от других кафедр. У нас свой «железный занавес». Не каждая птица долетит до середины Днепра, а уж до Европы тем более. Мы знаем государственные секреты. И если нас будет долго пытаться американская разведка, мы вспомним «London is the capital of Great Britain» и далее по тексту. Женька недавно защитил диссертацию после многолетних пинков начальника, и расслабленная чеширская физиономия стала чаще маячить на нашей будничной чайной церемонии в кабинете спецдисциплин. Его высокий выпуклый с залысинами лоб блестит, как бильярдный шар. Умный, стервец. Хочешь верь, хочешь нет, но Женька рассказывает семейный секрет: его прабабка в молодости (весьма горячая особа) сдавала комнату самому Ильичу. Видимо, правнук унаследовал от нее бесстрашие, любвеобильность и пофигизм. Женька в фаворе у руководства. Ему прощается многое за красивые глаза и врожденную дипломатичность. Сходство с вождем мирового пролетариата, условно, имеется. В детстве это была копия «когда был Ленин маленький с кудрявой головой».

Новый коллега, невысокий стильный шатен с безукоризненными стрелками на бровях, угодливо наливает всем чай и фамильярно беседует о рабочих моментах. Я прозвала его «пан Череминский» за обходительность манер и вальяжную пухлость. Полчаса назад он кадрился ко мне, как голубь, но быстро понял бесперспективность затеи и решил просто дружить, о чем в последствии, думаю, ни разу не пожалел. С ним легко говорить о книгах, фильмах, сплетничать на профессиональные темы и даже обсуждать психологические ошибки его прошлого брака. Пан Череминский не прост. Тот еще ящик Пандоры, который откроется позднее. Никто из нас так до конца и не узнает род его деятельности до работы на нашей кафедре. Под какой легендой и в каком ведомстве существовал его герой. Даже его соседи считали, что этот вежливый тихий парень обычный компьютерщик. Своим пронизательным и лукавым взглядом пан Череминский видит насквозь. Глаза — не зеркало, как принято считать. Это зазеркалье души человека. И сколько там мути одному Богу известно.

Я не единственная девушка в большом мужском коллективе. Мои коллеги — рыжеволосая двадцатипятилетняя Алла с белесыми ресницами и бровями мечтающая о замужестве, и разведенная сорокалетняя аспирантка Ирка, настоящая блондинка с красивыми ногами и блядской улыбкой, прибывшая два года назад с Дальнего Востока писать диссертацию, и оценивающе смотрящая на каждого встречного самца. Еще одна коллега пенсионного возраста, любительница вздремнуть в обеденный перерыв уютно похрюкивая во сне, Надежда Александровна, проработавшая на кафедре больше всех. Наш Петрович за глаза называет ее «мамо», намекая на украинские корни. Но сама «мамо» говорит, что в их роду были поляки и, поворачиваясь в профиль, демонстрирует увесистый крючковатый нос. Да уж, пани Валевская вылитая!

Чай пьется мужским кругом с не меньшей охотой, чем водка. Каждый второй любитель сладкого. Женька заранее зная, что не откажусь, с интонацией искусителя предлагает.

— Лена, съешь булочку. Вкусн-аая...

Напротив меня сидит Гарик и названивает по стационарному телефону своим любовницам по списку из личной донжуанской книжки. Сотовые телефоны блокируют на этаже. Мертвая зона. Он похож на молодого Зиновия Гердта. Мелкие завитки волос с ранней сединой, среднего роста с пружинистой самоуверенной походкой. Обаятельный женатый спортсмен, снимающий в ночных клубах девушек на пару с другом-культуристом с другой кафедры.

— Гарик, имей совесть. Это рабочий телефон.

Он хищно улыбается.

— Ты же не хочешь со мной...

Многозначительная концовка фразы повисает в кабинете в форме вопроса.

— Обломайся. Не боишься, что поматрошу и брошу?

Гарик весело кривляется.

— Поматрось, поматрось меня!

Мы понимаем с ним о чем речь. Женька наверняка рассказал мое недавнее «динамо» его друга.

Съемная квартира двух друзей для свиданий, нашпигованная служебными скрытыми камерами и прослушкой, конечно, не студия Голливуда, но вполне могла стать началом карьеры порно-актрисы любительского кино. Только я в таких фильмах не участвую. Сама себе сценарист и режиссер.

Женька улыбается. Гарик подмигивает мне. У нас похожее чувство юмора. «Своя».

Договорившись, наконец, о свидании с одной из своих дам, Гарик покидает кабинет, по пути все-таки умудрившись поцеловать меня в шею и получив шлепок по щеке.

Эх, мальчишки!

Глава 2

Любая страна перегрызает хребты своих граждан под военные марши и гимны. Наши гимны были написаны детским писателем, баснописцем, уважаемым автором и гражданином. Но почему-то жить все равно страшно.

Скоро нас переименуют в «полицейнеров», как говорит Славка Л. Ему не привыкать жить по новому уставу. Он из бывших господ офицеров: подмосковный майор и зять генерала. То-то генерал обрадовался, когда подвыпивший девятнадцатилетний солдатик устроил салют из служебной ракетницы под балконом своей Джульетты (генеральской дочери) и чуть не спалил рублевский коттедж. Сердцу не прикажешь, даже если ты генерал! Славка и через пятнадцать лет не изменился: такой же шепотливый комик и выпивоха.

Сидим в очереди перед кабинетом хирурга — ежегодный коллективный медосмотр. Мужчины нервничают. Нас, женщин, немного пощупает доктор и «свободна». У них процедура неприятнее. Славка Л. выходит из кабинета через несколько минут и идет по коридору с усилием, как будто ему больно. Потом оборачивается, смотрит на испуганные лица коллег и ржёт, артист.

Если что, он и в морду может дать не задумываясь. Лучше его отвлечь от греха.

— Спокойно, майор. Пойдем подышим воздухом. Хочешь конфетку?!

Он не запоминает новые слова гимна, сбивается на построении и поет старый текст.

Славка Л. курчав и говорлив, но с пейсами я так и не могу его представить. Мы знакомы давно. Наши родственники дружили с детства, даже ходили в одну музыкальную школу по классу баяна. Потому его эмоциональные всплески воспринимаю спокойно. Своими «кариками вишнями» на выкате он готов убить на месте. Отделение служебно-боевой подготовки приобрело в его лице профессионального тамаду.

У нас свой генацвале Петрович. Настоящий котяра. Ему лишь бы не работать. Пишет диссертацию уже более десяти лет, зато в курсе всего, что происходит на кафедре. Всегда подписывается под праздничный кипишь, подкалывает «мамо» и с суровым видом прапора гоняет молодых коллег. У нас с Петровичем " мир-дружба-жвачка«. Его «прапор» тает при женщинах.

Поравнявшись в коридоре, он берет меня под руку и, провожая до кабинета, вполголоса спрашивает.

— Почему сегодня не в юбке?

— Стрельбы, неудобно.

— Завтра чтобы, обязательно, надела ту, что покороче. И ходи туда-сюда.

Под густыми пегими усами он скрывает улыбку.

Петрович возникает всегда ниоткуда. На чаепитии он что-то мурлычет про себя и мало говорит, зато внимательно всех слушает. Наш Труффальдино, слуга господ. Он никому серьезно не вредит, и его воспринимают таким, какой есть.

В кабинете Женьки пахнет свежесваренной арабикой и шоколадом. Вернулся Андрэ. Скоро защита докторской. Тихо подвывает его любимая певица Sade. Кафедра ожила. У Андрэ творческая аура. Весь заостренный, как графика, в настоящих американских джинсах и в клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами, обнажившими его жилистые руки. Он повернулся в кресле и вытянул длинные худые ноги. Андрэ эстет, меломан и soldier of fortune. Бесстрастно, как англичанин, не шевелит бровью на окружающую суету. Он курит сигары, пьет виски и свободно говорит по-английски. Периодически наш «летучий голландец» пропадает с радаров на полгода. Американские полицейские слушают лекции в его исполнении. Русский мент учит американских копов работать.

— Андрэ, переведи мне близко к тексту песню «Отель Калифорния».

— Зачем? Ну, и вкусы у тебя...

Для Андрэ это несерьезные исполнители. Он приверженец настоящего рока. Ему близки философские тексты песен «Пикника», «Наутилуса», Башлачева. Можно сказать, Андрэ возвращает меня в музыкальном плане. Он приносит мне редкие «живые» записи Сашбаша, Бутусова.

— Тебе же не трудно.

— Слушай: чуваки обкурились травы в номере старого отеля «Калифорния». Их посетили видения. Вот и весь смысл. Нет там глубины. Садись пить кофе, Леночка.

Андрэ, Женька, Петрович персонажи моих первых поэтических экспромтов-тостов.

Славка Л. часто забегает к нам по рабочим вопросам. Он никогда не смущает меня интимными предложениями (слава богу!). Но его коллега Влад — тыловая крыса. В третий раз женат и масляным взглядом ощупывает каждую встречную. При удобном случае мстит мне. Не оценила его обнаженный торс на физподготовке. Не позволила усадить себя на стол в служебном кабинете. Короче, не дала. Ущемленное мужское эго жаждет крови. И моя кровь из свежей раны орошает маты в спортзале. Он бьет, как у Вознесенского «как он бил подробно, стилиага, Чальд-Гарольд».

В отпуске я попала на художественную фотосессию молодого мастера. Сама себя не узнаю на фото. Черно-белая пленка волшебна. Гарик выпросил одно фото, где я в образе Ангела. Не жалко, это не я — еще не падший, но уже не ангел.

Андрэ поет «кстати, где твои крылья, которые нравились мне?!»

Глава 3

Средневековое невежество XXI века. Народ вновь начал охоту на оборотней. Только современные оборотни носят погоны. Без сна и отдыха, без семьи и увлечений. Мы точно не люди. Кто же мы тогда?! В 2011 году произошло священное превращение милиции в полицию. Нам отпустили грехи, переодели, но большая часть «старой гвардии» не прошла полиграф и медкомиссию. Всех «лжецов» и «болезных» министерство утилизировало, как профнепригодных.

Петрович стебется над парнями.

— Женька, признайся, пробовал крес? Травку покуриваете, поди, после хоккея с Олегом? Детектор не обманешь.

— Иди нахер, Петрович. Это тупое устройство не отличает употребление от держания наркоты в руках. Ты же знаешь где я работал.

Олег молча кидает в Петровича берцем и смотрит на него исподлобья, скрипнув своей тарантиновской челюстью. Петрович ретируется за дверь. У Олега бульдожья хватка. Он отработал опером «на земле» семь лет, был в горячей точке, имеет награды. Олег ищет справедливость всегда и везде.

Женька прав: полиграф подозревает каждого. Сотрудников отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков можно уличить, задав элементарный вопрос «часто ли видел и держал в руках наркотики?» Из оперов можно, при желании, сделать убийц. «Применял ли оружие в отношении человека?» Психика профессионала в любом случае среагирует на знакомую ситуацию.

Никак не можем привыкнуть к темной мнущейся ткани новой формы и дурацким головным уборам.

Построение личного состава на плацу перед московской проверочной аттестационной комиссией. Над нами кружат небольшие дроны с видеокамерами — ноу-хау московской полиции. Проливной дождь некстати. Я говорю стоящему передо мной Сержу на ухо «Улыбайся в камеру!». Он беззвучно смеется. Фуражка начинает трястись, и на мои туфли с покатою «фрицевской шляпы» обрушивается Ниагарский водопад.

— Черт, Серж, отодвинься!

— Куда?! Мы же в строю.

Дождь не самое страшное, пустяки. Один курсовой часами на морозе держал студентов для отработки приемов строевой ходьбы. Девчонки маялись циститом. Наш коллега Серый заморозил суставы ног. Теперь он вынужден периодически лежать в госпитале. Студенты не остались в долгу. На день рождения бывшему курсовому они прислали с курьером гроб до квартиры. И венок «От благодарных курсантов».

Мужская коробка запела «Москва, звонят колокола». Московские проверяющие на трибуне оживились. Полицейские должны стрелять, как снайперы. Применять приемы борьбы, как бойцы СОБРа. Петь, как хор Пятницкого. Мои таланты по этим позициям нулевые.

Зам по науке отчитывает меня.

— Пиши диссертацию, лентяйка. Хочешь, я стану твоим научным? Смотри кто пишет...

— Я ничего не понимаю в уголовном праве. И английский не сдам.

— Думаешь, все понимают кто защитился?! Тут теоретиков — каждый второй. Со временем научишься. Английский не главное.

— Нет, преподавать не моё.

— Как хочешь.

Конечно, я трушу. Как и тихоня Серж. Нас объединяет философский склад ума и нежелание быть оратором. Он тоже отказывается писать научную работу. Серж армянских кровей. Но я говорю:

— Ты не армянин. Ты — Серж Гальяно.

Я склоняю его фамилию на итальянский манер. Он краснеет и смеется, щуря черные глаза за стеклами очков. По образованию он инженер-программист, которого занесло каким-то ветром в милицию. Нас всех сюда занесло разными ветрами. Лишь однажды я стала свидетельницей, как армянская душа вырвалась из него на волю. Серж лихо отплясывал под «Sexual revolution» на новогоднем корпоративе, а в конце танца по-цыгански упал на колени.

С нового учебного года на кафедру пришли два молодых адъюнкта — невысокий юркий блондин Саша Молох и двухметровый Михаил С. Про него мы были наслышаны заранее. Спортсмен краснодипломщик с Президентской стипендией, отработавший пять лет в отделе борьбы с оргпреступностью, внедрившийся в криминальную среду под легендой, с которым на равных разговаривают руководство, доктора наук и сверстники. Он не делает исключений и различий. Его уважают и боятся студенты. Если к людям можно применить термин животного мира «альфа-самец», то Михаил С. он самый.

Забегая вперед, скажу, что за полтора года на нашей кафедре он написал диссертацию и блестяще защитился. Ему аплодировали члены диссовета (второй случай в истории ВУЗа), и его сразу ангажировали на должность Прокурора крупной криминально известной области нашей страны, где Михаил прогремел, как выстрел. Новый молодой принципиальный прокурор попался на взятке в смешную сумму — пять тысяч рублей и был осужден и освобожден от должности. В мире людей «альфа-самцы» редко выживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.